

Незаданные вопросы

Дверной звонок был резкий и неприятный. Ольга Петровна всегда вздрагивала, слыша его. И каждый раз думала, что надо бы сменить. А потом, до следующего звонка, все забывалось, и руки снова не доходили.

Вздрыгнула и сейчас. Посмотрела на часы — Ирка? Так рано? Какое же счастье, господи! Не придется торчать у окна, вглядываясь в темноту улицы. Ну слава богу! Хотя странно. У дочки есть ключ.

Схватила кухонное полотенце, вытерла влажные руки и заспешила к двери. Мельком глянула в глазок — ничего не разглядела с ее-то зрением. И, не спросив кто, тут же щелкнула замком. Дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина — худая, высокая, в темном пальто и черном берете. В руках небольшой чемодан. Ольга Петровна растерялась и поправила очки.

— Вы... к нам?

Женщина в берете усмехнулась.

— Оля, ты что? Не узнаешь? Что, так изменилась? Ольга Петровна вздрогнула и чуть отступила назад, потому что узнала.

На пороге стояла Муся. Ее двоюродная сестра. Которую она не видела... Лет пятнадцать, не меньше! Или — тринадцать. Впрочем, какая разница?

Ольга Петровна продолжала молчать, растерянная и ошарашенная. Наконец произнесла:

— Муся, ты? Вот уж... не ожидала!

Муся ответила коротким, сухим смешком:

— Оля! Ну что? Так и будем стоять? В дом не пустишь?

Ольга Петровна мелко закивала, покраснела и забормотала:

— Конечно, конечно! Муся, да что ты! Просто я... растерялась!

Муся неодобрительно хмыкнула — дескать, что с тебя взять? И вошла в дом. Ольга Петровна отступила два шага назад и замерла, разглядывая нежданную гостью.

Муся повесила на вешалку пальто, аккуратно сняла ботинки, пристроила их ровно по линейке, затем сняла берет и внимательно осмотрела себя в зеркале, чуть нахмурила брови, облизнула губы, после чего, наконец, обернулась на Ольгу Петровну.

— Что, Оля? Удивлена? Да, вот так... Такие дела. Ну, приглашай в дом, хозяйка! — И Муся ослепительно улыбнулась, показав по-прежнему отличные, крепкие и крупные зубы. — А тапки-то у тебя есть? Или так, босиком?

Ольга Петровна словно очнулась, снова закивала и принялась суетливо доставать тапки — гостевых в доме не было, потому что гости в доме бывали редко. Подумав с минуту, протянула ей Иркины — самые приличные, почти «свежие», смешные, ярко-желтые с оранжевым кантом — утиная мордочка, кажется, из американского мультика. Муся усмехнулась.

— Иркины! — догадалась она. — Что, из детства никак не выскочит?

Ольга Петровна ничего не ответила. Муся всегда была щедра на «укусы» — такая натура. Самое умное — не вступать в диалог, целее будешь.

— Ну проходи! — как-то неуверенно пригласила Ольга Петровна и обернулась у входа на кухню. — Муся, ты голодна?

— Чай, только чай! — ответила та и уселась на табурет.

Было неловко разглядывать ее. Неловко и ужасно интересно. Как следует разглядеть, рассмотреть все подробно и расспросить все детально — как ее жизнь, как прошли все эти долгие годы, что получилось из *всего этого*. И что не сложилось. Понятно же было, что не сложилось. Но Мусю нельзя было расспросить. Можно было только *спросить*. Осторожно, аккуратно, дипломатично. Но даже при этих условиях, притом что этика и правила соблюдены, Муся могла не ответить — характер такой. Тяжелый характер.

Ольга Петровна помнила — связываться с Мусей никто не торопился. В спор с ней вступать рисковали

немногие. Позволить себе подобное мог только Мусин отец, дядя Гриша. Но что ей нужно? Зачем она приехала? Что случилось и почему она здесь? На сердце было тревожно. Впрочем, от встреч с Мусей было тревожно всегда.

Ольга Петровна совсем растерялась — переставляла чашки, гремела ложками, хлопала дверцей холодильника и бросала осторожные взгляды на сестрицу.

— Муся! Может, все-таки поешь? У меня есть чудесные голубцы. Так хорошо получились!

Муся чуть скривила губу:

— Голубцы? Ну давай. Только один, слышишь? Больше не съем — ты ж меня знаешь!

Ольга Петровна радостно закивала — теперь у нее появилось дело, пусть кратковременное, минут на десять, но все же дело. А это означало, что разговор и общение отодвигались — хотя бы чуть-чуть.

Она поставила перед гостьей тарелку с разогретым голубцом, от которого шел вкусный, ароматный парок, и присела напротив.

— Муся! — всплеснула она руками. — А хлеб?

Муся мотнула головой:

— Завари лучше чаю! И покрепче, Оля! Ты же знаешь, какой я люблю!

Ольга Петровна с радостью вскочила, поставила чайник и стала искать в шкафчике заварку. И на секунду замерла. Муся, как всегда, ей *приказала!* Или так — говорила с ней приказным тоном, словно хозяйкой была здесь она, Муся, а никак не Ольга Петровна.

«Ой, да что я? — остановила себя она. — Что я, Мусю не знаю? — И приказала себе: — Не обращай внимания, Оля! Ты же понимаешь, что *там* не все хорошо! Или даже совсем *нехорошо*. Иначе бы...»

Наконец она села напротив неожиданной гостьи и аккуратно стала ее рассматривать. Муся сдала. Постарела: морщины под глазами и возле носогубных складок, опущенные уголки глаз и губ — печальки, как назвала их Ольга Петровна. Руки с истонченной пергаментной кожей, покрытые вялыми пятнами. Седина и тусклость волос.

Но сдала — это другое! Сдала — это поникшая голова, поникшая шея. Поникшие, опущенные плечи — человеку тяжело держать свой каркас, свои мышцы. Но главное — глаза! Когда в них нет интереса, неважно к чему, все равно. Потухшие глаза — вот что такое «сдала». Сдала — это когда из человека почти ушла жизнь. Жизнь утомила, и это заметно. Когда человек устал и больше ничего не хочет, потому что уже все знает и все ему неинтересно. Он больше не хочет открытий.

Это, конечно, в той или в иной степени испытывают все, кому за пятьдесят, — разочарования и усталость никого не минули. И все же у всех по-разному, в разной степени. Женщины тяжело переносили наступление старости. Особенно красавицы, особенно яркие, значительные женщины с «биографией». Ольга Петровна была точно не из их эшелона. Скромная, тихая Ольга Петровна считала себя женщиной... незначительной.

А Муся была как раз из красавиц! Из тех, за кого можно и под поезд — роковой женщиной была эта Муся.

А вот ведь тоже потухла, и это бросалось в глаза. Муся устала от жизни? Нет, вряд ли! Как это на нее не похоже! Может, просто устала с дороги?

Ела Муся красиво — неспешно, аккуратно, с достоинством. Впрочем, достоинство — Мусин конек. Если честно, достоинство у Муси вовсе не глубинное, не врожденное. Все близкие все про нее понимали. Но держалась она всегда так, словно была особой царских кровей. Как говорится, умела себя подать.

Наконец Муся все с тем же достоинством аккуратно отставила тарелку и приборы, вытерла губы салфеткой.

— Спасибо! Ты всегда была кулинаркой! В отличие от меня. — И Муся хихикнула.

Ольга Петровна смущенно махнула рукой:

— Да брось ты! Все — опыт! Нароботка навыков, а не талант. Не научиться элементарному — это, знаешь ли, почти невозможно. — И, наливая гостею чай, наконец решилась: — Муся! Ты как сюда — насовсем?

Муся, отвернувшись к окну, вяло и неохотно проговорила:

— Да, Оль! Насовсем. Так получилось.

— Ты меня извини, — решилась Ольга Петровна, — за любопытство. Не получилось? Но... Тебя же не было почти...

Муся ее перебила:

— Не напрягайся — тринадцать лет. Да, Оль! — с вызовом добавила она. — Не получилось! Ты же знаешь, какой был у нас возрастной разрыв. Шестнадцать лет! Я старела, а он... Он — только мужал. Это же мы, женщины, стареем. — И она криво усмехнулась. — Что тут нового и непонятного? Я старела, сходила с ума от того, что старею. Каждое утро подсчитывала новые морщины. А уж если день был солнечный... Не утешало совсем! Начала прибаливать — то одно, то другое, то третье. — Она снова усмехнулась. — Ну и кому это понравится? Начала к нему цепляться, ревновать, устраивать сцены. Безобразные, надо сказать. Никогда прежде такого не было, ты меня знаешь! Самой было противно и стыдно. Себя ненавидела больше, чем его. Ну и дальше — понятно. Меня заменили. Нашли более свежую и молодую. Без истерик и камней в желчном пузыре. Без мигреней и климакса. Вот так. Хотя — чему удивляться? У тебя можно курить?

Ольга Петровна на мгновение растерялась — дом был некурящий, причем некурящий строго. Гостей с сигаретами всегда выставляли на балкон или на лестничную клетку.

Но не гнать же Мусю на улицу, где уже минус пять?

— Кури, — со вздохом кивнула Ольга Петровна и тут же подумала: «Хорошо, что нет Левы! Он придет не раньше, чем через два месяца». Она протянула Мусе блюдце, и та щелкнула зажигалкой. — А что дальше, Муся? Как думаешь жить?

Муся ответила легко и беззаботно, как отвечала всегда:

— Да как-нибудь проживу! Не впервой, да? Устроюсь куда-нибудь. На хлеб и чай заработаю. — И чуть подалась вперед, ближе к Ольге Петровне. — Оля, послушай! — Она сказала это так тихо, что Ольге Петровне стало не по себе. — Оля! А можно я у тебя проживу? Ты не волнуйся, недолго! Чуть приду в себя. Разберусь у себя... У меня комната есть, ты помнишь?

Ольга Петровна кивнула — комнату помнила, да. Конечно, помнила! Комната была не очень — узкая, темная. Но — в центре, на Кропоткинской. Кажется, последний этаж. Дом старой постройки, в четыре или пять этажей, с деревянной лестницей, без лифта.

Запомнилось вот что — темный деревянный дощатый пол и светлые, крашенные известкой стены. Кровать у окна — старинная, наверное бабушкина, с металлическими шариками на спинке и комод — огромный, тяжелый, темный, на котором стояли мраморные слоники шеренгой, по росту. Вазочка с сухой вербой и несколько фотографий. Все. Шкафа, кажется, не было.

Слава богу, что комнату Муся за собой сохранила, при всей беспечности и, казалось бы, безалаберности, своего она никогда не упускала и к материальному относилась внимательно и серьезно.

«Вот и хорошо, — подумала Ольга Петровна. — Погостит, придет немного в себя и съедет. Конечно, съедет! Придется потерпеть — все же сестра».

— Ну, Оля! Что мы обо мне? Рассказывай, как у вас. Наверняка это куда интереснее! — Муся улыбнулась, всем видом демонстрируя интерес.

— Муся, ничего интересного, ты мне поверь! Все как было. Ну совершенно без перемен! Может, это и хорошо? Лева, как всегда, горит на работе. Снова командировка, теперь — Индия. Климат, конечно! Уже тяжело. Но он счастлив, и это главное! Я, как всегда, как домашняя курица — есть парочка учеников, подтягиваю перед экзаменами по математике, но это так, чтобы не отупеть окончательно. — Ольга Петровна улыбнулась и развела руками. — Ну и Ирка. — Она вздохнула. — Нет, так все хорошо, ничего критичного! Здорова, ходит в институт. Но... как-то не все мне нравится, понимаешь? — Ольга Петровна посмотрела Мусе в глаза. Та молчала. — Нет, ничего вроде плохого, — продолжила Ольга Петровна. — Но она какая-то нелюдимая, замкнутая, закрытая. Что там у нее происходит, не знаю. Совсем ничего не знаю, понимаешь? Ни про подруг, ни про молодых людей. Молчит, а если спрошу, услышу: «Мама, отстань! Все нормально!» Вроде тихая, скромная, положительная. Без каких-то пороков. И все же мне беспокойно. Хорошо бы ей подруг, кавалера. Но, кажется, ничего этого нет и в помине.

Муся глубоко затянулась, выпустила дым.

— Оля! Ну это же абсолютно нормально! У всех было именно так! Кто из нас стремился поделиться с родителями? Лично я никогда! Потому что, — Му-

ся рассмеялась, — мне было что скрывать, понимаешь?

«Зачем это она? — вздрогнула Ольга Петровна. — Зачем привела этот пример? Хочет сказать, что и Ирке есть что скрывать? Муся есть Муся, — с неприязнью подумала она, — не изменилась, увы».

А вслух сказала:

— А я маме все говорила! Все абсолютно, — с какой-то гордостью повторила она.

— Конечно! — слова эти Мусю развеселили. — Ты же у нас святая! Что тебе-то было скрывать?

Ольга Петровна слегка обиделась. Хотя что обижаться на правду? Все было именно так. Оле-подростку скрывать было нечего. Девушке Оле, вошедшей в молочную спелость, — тоже, увы! Молодой женщине Ольге — тоже. Вышла замуж, родила дочь. Вела абсолютно праведную и добропорядочную жизнь. Никаких секретов! Ну совершенно никаких! Размеренная, скучная, семейная жизнь.

Для Муси наверняка до противного наивная и смешная.

— А что у Ирки? — вдруг снова спросила Муся. — Совсем никого?

Ольга Петровна загрустила.

— Совсем, Мусь. Даже уже волнуюсь. Ты же знаешь: не найдешь мужа в институте — все, кранты. Значит, не выйдешь уже никогда. Да и при теперешней конкуренции! Девицы такие — подметки ведь рвут на ходу! А эта, моя? Тихая, скромная, молчаливая. Нет,

внешне не дурненькая! С этим в порядке. А что толку? Вот именно — ничего. По-моему, просто синий чулок.

Муся кивнула:

— Да, дело в характере, в натуре бабской. Ты не права — есть бабы, которые и в сорок, и в пятьдесят жизнь устраивают. Здесь от возраста не зависит — точнее, не в возрасте дело! И с детьми, и с плетьюми. Только эти бабы и вправду подметки рвут. Жизнь ведь такая... Не ты, так тебя. Зубы надо точить и быть бдительной. Тетехи сейчас не в чести, как ты, например! — И Муся расхохоталась.

Смех у нее был по-прежнему звонкий, молодой, задорный.

«Надо же, — удивилась Ольга Петровна, — сама скукожилась, усохла, а смех остался — девчоночий смех».

И снова обиделась. Хотя ведь снова Муся была права.

— Ты на меня не обижайся, Оля! — Муся словно подслушала ее мысли. — Ты чудесная! Ты замечательная, Олечка! Честная, верная, преданная. Лучшая из тех, кто встречался на жизненном пути. А ты знаешь — розами он не был выслан точно, мой жизненный путь. Таких, как ты, наверное, больше нет. Но ты же тетеха, Олька! Тебя же вокруг пальца обвести — как нечего делать! И то, что ты вышла за Леву, да еще так удачно, — не просто везение, Оля! Это судьба.

После этих слов Ольга Петровна окончательно решила не обижаться. Все — правда, как ни крути! И то,

что Лев предпочел именно ее, тихую и обыкновенную Олю, когда вокруг были сплошные красавицы. Нет, дурнушкой она не была — в молодости даже совсем ничего, симпатичная. Блондиночка с нежной кожей, голубыми глазами и мило вздернутым, чуть присыпанным конопушками носиком. Мужчины любят такой типаж — беззащитная, тихая, милая.

И в конце концов Муся признала ее положительные черты — порядочность, верность и честность. На что обижаться?

Да, ей повезло. И как повезло! Лева был самым прекрасным мужчиной на свете — в этом она была абсолютно уверена. Ни разу за их долгую, длиною в двадцать пять лет, семейную жизнь он не дал ей повода усомниться в своей верности и порядочности. Конечно, ей повезло! А сколько женщин вокруг страдало? От пьянства мужей, от вранья, от неверности. От хамства, наконец. От жадности. От неуважения и пренебрежения.

Ее это все миновало. Судьба? Или везение? Да какая разница!

Главное — что ей повезло!

— Ну, ты не расстраивайся так с Ирккой, не убивайся! Скромница? Поправимо! Я ее малость подучу, проконсультирую! — И Муся снова рассмеялась. — Я ж в этом деле мастак! А когда она, кстати, придет?

Ольга Петровна от этих слов сжалась: «Господи, не дай бог! Не дай бог, чтобы Муся вмешалась в Ирkinу жизнь».

И тут же глянула на часы — пол-одиннадцатого! С ума можно сойти! Ольга Петровна вскочила и подошла к окну. Прижалась лбом к прохладному и влажному стеклу и стала вглядываться на улицу.

— А позвонить? — сообразила Муся.

Ольга Петровна махнула рукой:

— Эта дуреха так торопилась с утра, что телефон дома забыла! Растеряха жуткая! Точно — тетеха! И что с ней делать, ума не приложу! Спросила ведь: «Ира, ты взяла телефон?» — «Да, мам! Конечно». А я обнаружила его в ванной комнате! Нет, как это можно, ты мне ответь? И что теперь делать? — Она повернулась к Мусе и растерянно захлопала глазами, которые уже наполнялись слезами.

Муся беспечно засмеялась:

— Оля! Это же молодость! Да ты радуйся — может, в кино с парнем пошла? Или в кафе?

И в эту минуту в дверь раздался звонок.

— Ирка, боже мой! — вскрикнула Ольга Петровна и, как заполошная, бросилась в коридор.

Ирка уже открывала дверь своим ключом. Такая у нее была привычка: ключ — в замочную скважину и одновременно нажать на звонок. Как предупреждение: «Мама, папа! Я дома! Возрадуйтесь! И поспешите встречать!»

Так всегда и было. И мать, и отец — если был дома — всегда торопились навстречу единственному и обожаемому чаду.

— Ира, да как же так? — всхлипнула Ольга Петровна. — Телефон, как всегда, забыла! С чужого не позвонила! Пришла бог знает во сколько! Ну как же так можно?

В этот момент в коридоре появилась и гостя.

Ира, скидывая мокрые сапожки, с удивлением уставилась на нее — разумеется, блудную и заблудшую родственницу она не помнила: во время последнего Мусиного бегства была еще очень мала.

Ольга Петровна поспешила представить дочери тетку:

— Это Муся! Моя двоюродная сестра! Ты, наверное, много слышала о ней. — Произнеся последнюю фразу, Ольга Петровна слегка поперхнулась, уловив двусмысленность, которую она вкладывать не собиралась, но так получилось. И вправду — тетеха.

Муся, казалось, подвоха не заметила. Она вышла из-за спины Ольги Петровны, широко улыбнулась и протянула Ире тонкую руку.

— Мария Григорьевна. Можно Муся! Твоя, собственно, тетка!

Ирка растерянно кивнула и снова посмотрела на мать.

— Муся у нас... погостит, — еле выговорила Ольга Петровна. — Она приехала издалека, давно не была дома, в Москве. — И тут же поймала себя на мысли, что она почему-то оправдывается перед дочерью.

Ирка, наконец сбросив оцепенение, громко сглотнула слюну и кивнула.

— Мам, я в ванную! И чего-то поесть!

Ольга Петровна наконец расслабилась, даже порозовела и тут же захлопотала — принялась разогревать голубцы, нарезала хлеба, ловко налила компот.

— Муся! — вспомнила Ольга Петровна. — А пирог? У меня ведь есть замечательный пирог с яблоками! Вот ведь... забыла! — И она отрезала большой кусок пирога.

Муся откусила и покачала головой.

— Да, Оль! И пирог у тебя... А ведь Левке твоему тоже повезло! Вот я, например! Буду стоять на кухне, жарить, парить. Вешать до грамма — все по инструкции, все по кулинарной книге — ничего на глазок. А выйдет такая фигня. Совсем несъедобная, честно!

«Ну ты, конечно, совсем не пример, — подумала Ольга Петровна. — И не только, кстати, в кулинарии».

Вслух, конечно, ничего не сказала. Да и как такое скажешь?

Появилась Ирка — бледная, уставшая, просто смотреть невыносимо.

Муся с интересом разглядывала ее, не смущаясь. А вот та явно стеснялась непонятной гостью.

— Оль! — сказала Муся. — А если я в ванную? Ты не против?

Ольга Петровна закивала:

— Конечно, конечно! Я сама должна была тебе предложить! Вот вправду — тетеха.

Она бросилась в комнату, достала из шкафа большое махровое полотенце — из тех, что поновее. Подумала и достала еще два — маленьких. Как говорила ее свекровь — личное и ножное. И вытащила ночную сорочку — новую, ненадеванную. Купленную для больницы — если... не дай бог! Возраст уже, все может случиться...

Муся, прихватив полотенца, удивилась:

— А зачем так много, Оль? — И ушла в ванную. Через пару минут крикнула: — Какой можно взять шампунь? А крем?

Ольга Петровна показала ей шампунь, а вот насчет крема извинилась — только наш, дешевый. «Люкс».

— Я люблю наши, — извиняющимся голосом сказала она. — Они ведь на всем натуральном.

Муся кивнула и закрыла дверь.

Ирка уставилась на мать.

— Мам, это что? — Она показала взглядом на ванную.

Ольга Петровна приложила палец к губам.

— Тише, Ира! Тише! Может услышать! — И шепотом принялась объяснять. — Моя сестра. Двоюродная. Дочь дяди Гриши. Ты помнишь дядю Гришу?

Ирка недовольно скривилась:

— Какая разница: помню — не помню?

— Так вот, — продолжила Ольга Петровна, — Муся уехала из Москвы тринадцать лет назад. Бросила мужа и сбежала с любовником. — Ольга Петровна перегнулась через стол, чтобы дочь ее слышала. —

Любовник был черт-те на сколько лет ее моложе — кажется, на шестнадцать. Оставил жену с ребенком — ты представляешь?

Ирка нетерпеливо перебила:

— Ну а дальше что было?

— Да ничего. Ничего! Муж, конечно, переживал. Кстати, приличнейший был человек. Заведовал музыкальной школой где-то на Преображенке. Но слава богу, потом удачно женился, родились дети — все хорошо. Откуда я знаю? Да встретила его случайно, лет пять-шесть назад. Поговорили. А про Мусю никто ничего не знал. Совсем ничего. Ни отцу, ни мачехе — ей-то тем более, отношения у них были очень плохие — Муся не писала. Ни одного письма за все годы! Впрочем, дядя Гриша умер давно, через несколько лет после ее отъезда. Все винил себя, что так получилось. Глупость, конечно! При чем тут они? Он и его жена? Семья была огромная, а про Мусю никто ничего не знал. Исчезла, словно испарилась. Жива — не жива? И тут вот... явилась. И к нам — надо же, я так удивилась! И узнала-то ее не сразу! Почему к нам? Ну, думаю, она понимала: вопросов я задавать не буду, просто приму — и все.

— И, — Ирка снова кивнула на ванную, — надолго ли? Интересно.

— Да я почему знаю? Вообще, у нее есть комната, неплохая, в центре, я там была. Дядя Гриша, ее отец, тогда ее выхлопотал. Жить вместе им было невыносимо.

— Из-за мачехи? — уточнила дочь, глотнув ком-
поту.

— Из-за всего. Много там было... Из-за чего.

Дверь ванной открылась, вышла распаренная и умиротворенная, с лицом, блестящим от жирного крема, Муся, одетая в рубашку хозяйки. Она сразу похорошела, как будто отдохнула, отоспалась — посвежела. Порозовела кожа, разгладились морщины.

— Можно чаю? — спросила она.

Ольга Петровна кивнула:

— Конечно, конечно!

Быстро вскипятила чайник, достала клубничное варенье и нарезала лимон.

Муся неспешно пила чай, жмурясь от удовольствия, и с интересом посматривала на племянницу.

— Ну, Иринка! — проговорила она, окончательно смутив и так растерянную Ирину. — Колись! Как живешь? Чем дышишь? О чем мечтаешь?

Ирка, моментально покраснев, с испугом, словно ища поддержки, посмотрела на мать.

Ольга Петровна опешила и глупо хихикнула:

— А что? Говори! Может, сейчас я все узнаю?

Растерянная и обескураженная, Ирина спешно ретировалась:

— Спать хочу, мам!

— Конечно, иди! — обрадовалась Ольга Петровна. — Тебе завтра рано вставать?

Муся глянула на часы, широко и смачно зевнула, и Ольга Петровна заспешила в кабинет мужа, чтобы постелить гостье.

Прибравшись на кухне — господи, второй час! — Ольга Петровна тоже отправилась в спальню. Только блаженно вытянув ноги, она поняла, как сильно устала. Уснула быстро, но вскоре, минут через сорок, проснулась — давняя и верная спутница, бессонница, конечно же, тут же дала о себе знать.

Ольга Петровна лежала с открытыми глазами и следила за теньями от проезжавших машин, мягко скользящих по потолку. Внезапно зарядил сильный дождь, косыми и мощными струями забивший по стеклам. «Ну теперь уж точно не усну!» — вздохнула она, вспомнив, что снотворные таблетки остались в кабинете мужа. Не будить же Мусю, ей-богу. Она закрыла глаза, перевернулась на бок, подоткнула одеяло — так поуютнее — и стала караулить сон, впрочем, отлично понимая, что это труд напрасный и лишний. Перед глазами всплывали картинки — детство, их большая и в целом крепкая и дружная семья. Но конечно же, не без проблем.

Дедушка и бабушка — любимые дедушка и бабушка. Деда она помнила плохо — он умер, когда ей было шесть лет. А вот бабушка прожила еще девять. Родители взяли ее на похороны деда с собой — у мамы была четкая установка, что, во-первых, ребенок не должен бояться смерти, а во-вторых, проводить близкого человека необходимо. Потому что скорбь

и сочувствие вызывают в человеке только лучшие чувства.

Оля стояла поодаль, боясь подойти к гробу и близко увидеть деда. И все же попрощалась — положила цветы в изголовье, слегка зажмурившись от непонятого страха перед покойником. Кстати, Муси, двоюродной сестры, на похоронах дедушки не было — дядя Гриша, ее отец, пряча глаза, сказал, что дочь приболела.

Ольга запомнила, как ее мама тогда как-то странно и недобро усмехнулась. А вот бабушка сыграла в Олиной жизни огромную, неоценимую роль. Бабушку любили все — таким она была человеком. Тихая, добрая, мудрая, ничего ни от кого не требующая — ни от детей, ни от внуков. До последних дней она жила одна у себя в квартире, не желая — несмотря на уговоры — переезжать к детям. Перед майскими она обзвонила детей и позвала их в гости.

Все удивились — накрывать стол она была уже не в силах, на семейные торжества ее всегда привозили к детям, а тут! Что за блажь? Непонятно.

Но, конечно же, все собрались. А бабушка накрыла такой стол, что на пороге комнаты все остолбенели — на белой, парадной, туго накрахмаленной скатерти стояли большие тарелки с пирожками — фирменным бабушкиным блюдом. Плошки с салатами, студнем и заливным. Растерянные дети недоумевали — как же так, мама? И главное — зачем?

Бабушка тихо посмеивалась, рассаживая гостей за праздничный стол.

Это был прекрасный, душевный и теплый вечер — на несколько часов все забыли семейные дразги, проблемы и вечные заботы — шумно, как в молодости, общались, перебивая друг друга, много смеялись и вспоминали счастливые годы из детства.

Бабушка смотрела на всех с тихой, умиротворенной и счастливой улыбкой. Смотрела и молчала: человеком она была не говорливым. Расходились поздно за полночь. Конечно, перед уходом перемыли посуду, убрали стол, подмели.

Прощаясь, бабушка дрожавшими руками крепко обнимала детей и внуков. В ее глазах стояли слезы.

Никто ни о чем плохом и не думал — наоборот, все были счастливы: мамочка молодец! Такой пир закатила! Надо же, справилась — труд-то великий!

На следующий день бабушка не брала телефонную трубку. Кто-то сорвался с работы и полетел к ней.

В квартире царила идеальная чистота — посуда была убрана в буфет, плита и раковина сверкали — словом, ничего не напоминало о вчерашнем празднестве.

А бабушка лежала в кровати — спокойная, довольная, умиротворенная, счастливая. Сложив руки поверх одеяла. На голове новый платок. Бабушки больше не было...

Непостижимо! Непостижимым оказалось все — и ее предчувствие близкой кончины, и непонятно откуда взявшиеся силы. И сдержанность, немислимая сила духа при прощании с семьей — только она знала, что было это прощанием.

Оля плакала, стоя на кухне у окна. На столе лежал пакет с бабушкиными пирожками, которые та засунула ей в коридоре.

Увидев пакет, она разрыдалась в голос. Есть любимые пирожки с земляничным вареньем казалось ей таким кошунством. И она потихоньку от мамы высушила их на батарее и убрала в дальний ящик письменного стола.

Пирожки превратились в сухари и хранились долго, лет пять, пока Ольга не вышла замуж и не переехала к мужу, в счастливом угаре забыв про свое хранилище. Пирожки нашла мама, поплакала и, конечно же, выбросила.

— Память в сердце, Оля! — сказала она тогда. И, конечно, была права.

На похороны бабушки Муся пришла. Они с Ольгой не виделись пару лет — Ольга училась как одержимая, а Муся (ей тогда было четырнадцать) жила своей жизнью, игнорируя семейные сборища.

Горевали все сильно — для всех, абсолютно для всех, бабушка была человеком родным, близким и очень любимым. Не плакала только Муся — держалась в стороне, явно тяготясь ситуацией. С бабушкой попрощалась, положив на могилу цветы. И сразу — это было очень заметно — постаралась поскорее исчезнуть. На поминках ее уже не было.

Перед тем как уйти, она подошла к горящей Ольге, осмотрела ее критическим взглядом.

— Ну как дела? Все корпишь над книгами?

Оля, всхлипнув, кивнула — поступать в этом году.

— А-а-а! — протянула скучающим голосом Муся. — Ну-ну! Ты уж старайся! — усмехнулась она. В голосе ее были и издевка, и какое-то непонятное превосходство. Она скользнула по Ольге взглядом и явно разочаровалась. Махнула рукой и быстро пошла к чугунным воротам кладбища, открывающим дверь в жизнь живую и шумную.

Ольгина мать смотрела вслед племяннице, и взгляд ее был задумчивым, печальным и расстроенным, что ли?

Ольга знала: Мусина мать и жена дяди Гриши, маминого родного брата, сбежала с любовником. Оставив не только мужа, но и пятилетнюю дочь. Про «сбежала» и «любовника» Ольга, конечно, подслушала.

Там было еще много чего, далеко не лестного, сказанного родней в адрес неверной жены.

Мать Муси, ту самую беглянку, Ольга немного помнила — высокая, статная, красивая женщина, темноволосяя и светлоглазая. Крупный красивый рот был накрашен ярко-красной помадой. Звали ее Софьей. Впрочем, имени ее в семье не произносили. Говорили или «Гришина бывшая», или «мать Муси», или, совсем коротко, *та*. Была она надменной и молчаливой. Ольга запомнила ее курящей на кухне и смотрящей куда-то вдаль, поверх людей, их забот и проблем. Казалось, она существует не в этом мире, не в этой квартире, не в этой семье, полной радостной и шумной

родни. Она всегда выглядела здесь чужой, и, кажется, ее это не огорчало.

Лет в двенадцать Ольга осмелилась начать с мамой разговор про *ту*. Мама недовольно отмахнулась.

— Это вообще не ваше дело! Не детское! Какая вам разница — что там и как? В жизни много чего бывает, вырастешь — разберешься! — А потом все же нехотя добавила: — Ушла она от Гриши, Оля! Полюбила другого и ушла. Ничего страшного в этом не вижу. А вот то, что девочку оставила, — это да, это беда.

Конечно, хотелось расспросить подробности — к кому, например, ушла красавица Софья. Почему не взяла с собой дочь? Куда она уехала? Наверное, далеко, раз не появилась в Москве ни разу?

Но Ольга поняла, что больше ни на какие вопросы ответа не получит — мама и так слишком много сказала.

Брошенному и внезапно крепко запившему Грише стали помогать всем миром, всей семьей — Мусю забирали к себе на выходные, брали с собой в поездки и отпуска, билеты в цирк и театр покупались с расчетом и на Мусю тоже. Девочка, казалось, не была предоставлена самой себе, но у нее не было матери. Что тут говорить?

Она была непростым ребенком — об этом тоже шептались взрослые потихоньку от остальных детей. И, конечно, оправдывали: сирота, и это при живой матери! Кошмар и позор для семьи.

Впрочем, и такое однажды Оля услышала, от кого, не запомнила:

— Да при чем тут эта Софья, господи? — жарко сказал чей-то женский голос. — Муська с самого детства стерва была! Еще при мамаше! Вы что, забыли? А это только усугубило, не спорю. Хотя если б мамаша осталась, может быть, было и куда хуже.

Муся была странной, да. Нелюдистой, дерзкой, упрямой. С ней было сложно, так говорили все взрослые. Но еще Муся была несчастной, брошенной собственной матерью.

Дядя Гриша довольно быстро женился. «Хорошие мужики на дороге не валяются», — сказала на это Ольгина мама. Женился на скромной, казалось бы, женщине — серой, скучной и некрасивой, полной противоположности Софье. «Что у нее там в голове — непонятно!» — нечаянно услышала Ольга разговор родственников.

Отношения с мачехой у Муси не сложились, кто тут виноват — непонятно. И Муся тот еще фрунт, и тихая мачеха-учителка тоже, как оказалось. В общем, загадка, поди их разбери.

Пару раз Муся убегала из дома — было, было. Ловили и возвращали. Отец ругал ее нещадно. Мачеха подливала масла в огонь: фокусы падчерицы ей давно надоели.

К пятнадцати годам Муся выросла в красавицу. «Вылитая *та*», — шептала родня. Те же темные, почти черные волосы — это называлось «жгучая броне-

тка». Синие яркие глаза. Красивый, сочный, немного брезгливый рот. Стройная фигура, высокая грудь, красивые ноги.

Ольга видела, как на Мусю, совсем еще юницу, заглядываются мужчины всех возрастов.

Муся, казалось, этого не замечала — шла быстро, торопливо, с высоко поднятой головой, с вечной презрительной усмешкой на красивых губах.

Ольга хорошо помнила поездку на юг, в Севастополь. Тогда они прихватили и Мусю. Жили в пансионате на берегу — прекрасное время! Рано утром бежали с мамой на море — скорее бы окунуться, пока еще не разжарилось июльское солнце, только встающее из-за горизонта. На пляже было пустынно и тихо: отдыхающие спали крепким и сладким сном — полшестого утра.

Купание было радостным, восхитительным — Ольга с мамой заплывали далеко, почти до буйков. Плавали обе отлично.

От ранних купаний Муся сразу отказалась: «В такую рань? Не-ет, ни за что! Я что тут, в тюрьме? Завтрак по расписанию, обед по расписанию. Подъем и отбой — тоже! Нет уж, увольте!» Мама согласилась: «Как хочешь, Муся! Дело твое».

Скоро Муся и завтраки стала игнорировать. Спала до одиннадцати и просила сестру принести ей из столовой «чего-нибудь».

Ольга украдкой от мамы засовывала в карманы куски хлеба с сыром и вареные яйца.

После завтрака мама шла на море, а Ольга — будить Мусю. Сонная Муся, сладко потягиваясь, прямо в постели ела принесенное Ольгой, стяхивая крошки тонкими пальцами на пол, и хвалила сестру:

— А ты молодец! С тобой можно в разведку! — И громко, залиvisto смеялась.

На пляж она шла, когда ей заблагорассудится — днем, в самое пекло, или поздно вечером, когда темно.

И никакие мамины и Ольгины уговоры и просьбы, никакие требования и взывания к совести на нее не действовали: «Вы меня взяли? А я вас просила?» Все, точка. И растерянная, расстроенная мама замолкала.

А однажды Муся исчезла.

Не было ее почти сутки. Потом мама говорила, что эти сутки были самыми страшными в ее жизни. Муся исчезла утром, пока Ольга с мамой ходили на рынок, чтобы купить свежего творога девочкам на завтрак. Впрочем, Муся творог не ела — предпочитала бутерброды с колбасой. Вернувшись с базара, обнаружили, что Муси нет дома. «В такую рань? — удивились обе. — Такого еще не бывало. А может, Муся отправилась на пляж? Захотела наконец искупаться в утреннем море?»

Ольга побежала на пляж — Муси там не было. К вечеру мама пошла в милицию, наказав дочери караулить беглянку дома. Ночь была страшной — мама кругами ходила по комнате, застывала, замирала у ок-

на. Ольга, изо всех сил борясь с тревожным сном, пыталась ее подбодрить.

Утром обессиленная мама решила звонить в Москву. Но на почте случилась какая-то поломка на линии, и Москву не давали часа два или больше.

В два часа дня появилась Муся — бледная, усталая и очень сонная.

— Где ты была? — закричала измученная тетка, Ольгина мать.

Муся, широко и сладко зевнув, спокойно и равнодушно посмотрела на тетку и сестру и, словно раздумывая, а стоят ли вообще они ее внимания, — лениво ответила:

— Где была, там меня нет!

Возмущенная Ольга громко, криком выговаривала бессовестной и наглой Мусе:

— Мы не спали, сходили с ума. Заявили в милицию. Мама побежала звонить нашим, в Москву, сказать, что ты пропала! А может, тебя убили? Изнасиловали? Увезли бог знает куда? Ты могла бы хотя бы оставить записку?

Муся, продолжая позевывать, отмахнулась от Ольги, как от назойливой мухи.

— Да заткнись ты! Достала! Все со мной нормально, поняла? И нечего было кипеш поднимать! «Убили, изнасиловали!» — смешно! Я сама... кого хочешь! — И она хрипло рассмеялась. — И вообще я хочу спать, поняла?

Скинув с себя сарафан, голая Муся нырнула в постель, повернулась на бок и тут же уснула.

Мама села на табуретку и, уронив голову на руки, расплакалась. Но больше она не сказала Мусе ни слова! «Вот ведь выдержка! — думала Ольга. — Я бы так не смогла!»

До отъезда оставались считанные дни. Мусе был объявлен бойкот — ни Ольга, ни тетка с ней не разговаривали. Мама положила на ее кровать деньги:

— Это тебе на питание. Если задумаешь снова уйти — поверь, сладко не будет! Местная милиция предупреждена.

Муся презрительно хмыкнула, но деньги взяла.

В купе ехали вместе. На полпути Муся поменялась с пожилой женщиной.

— Не хочу смотреть на ваши постные лица! — бросила она тетке и сестре.

На вокзале расстались. Разумеется, никто не услышал от Муси ни «спасибо», ни «извините». Да никто этого, собственно, и не ждал.

Только в такси мама выдохнула:

— Уф, слава богу! Я думала, что этот ад не кончится никогда!

Ольга была так зла на сестру, что ни видеть, ни слышать о ней не хотела. Как-то поймала обрывок мамино разговора по телефону:

— Ушла? Знаешь, я не удивлена ни минуты! После того, что было в Севастополе! Я тогда лет на десять постарела. Не знаю, как вообще это пережила! И никто ничего и никогда поделать не сможет! Потому что

уже поздно. И еще потому что гены! А это, моя дорогая... Ой, да хватит о ней! Много чести!

Муся ушла? Куда, к кому? Да какая, и вправду, разница! Совсем чужой человек!

* * *

Успешно окончив школу, Ольга легко поступила в институт. Выбрала геолого-разведочный. Почему? Наверное, романтика молодости. Хотела ездить в экспедиции, «в поля». Искать минералы. Твердо верила, что найдет что-то, еще не известное науке.

Родители удивились: «Тебя, с твоим аттестатом, возьмут в любой вуз! А ты собралась в какой-то мальчиковый и непонятный! И все это глупости юности — экспедиции, разведки и твои дурацкие поля!» Больше всех бушевал папа. Он мечтал видеть умницу дочь врачом или в крайнем случае учителем.

Но сметливая мама быстро сообразила — после того, как вместе с дочерью посетила день открытых дверей. В геолого-разведочном было полно парней! Гораздо больше, чем девушек. И это означало, что ее тихая и скромная дочь там будет в большом почете. И, несомненно, выйдет успешно замуж. А уж в педагогическом ее шансы совсем невелики — там одни девочки, мальчишки наперечет. А что касается полей и экспедиций, здесь волноваться нечего — будет семья, появятся дети, тут уж будет не до полей! А если муж-коллега будет часто в командировках — тоже совсем ничего страшного! Любая разлука пойдет только на пользу.

Мама рассчитала все правильно — на третьем курсе Оля вышла замуж. Лева, ее жених, понравился всем — интеллигентный, приличный парень. Москвич. Живет с чудесной и милой мамой в хорошей квартире на Верхней Масловке.

При первом же знакомстве будущие родственники понравились друг другу — одна среда, одно поколение. Мама и будущая свекровь мирно ворковали на кухне, обсуждая скорую свадьбу.

Ольга смотрела влюбленными глазами на своего Левушку — он был прекрасен!

— Лева, Левушка, — повторяла она перед сном. — Какое же счастье, что мы повстречались!

Свадьбу справили скромную, «интеллигентную», по словам мамы. Тихое кафе, родня и несколько институтских общих друзей. После свадьбы стали жить у Левы. Он объяснил, что оставить маму не может. Ольга согласилась легко — квартира была большой и удобной, близко от центра, а значит, от театров и музеев, куда молодые ходили часто. К тому же она мгновенно полюбила свекровь.

Ей сказочно повезло — ни в чем и ни в ком она не разочаровалась. Муж по-прежнему был нежен, свекровь подтвердила свой статус милой и доброжелательной женщины, жили они дружно, с долгими вечерними чаепитиями на кухне, и их обязательно ждал сладкий пирог — спасибо свекрови.

Весь быт был тоже на ней, хотя Ольга изо всех сил старалась помочь. Но свекровь от помощи отказывалась.